КАРТЫ, СНЕГ И ПЕПЕЛ

Наталья Шпетная

Наталья Шпетная

Карты, снег и пепел

«Автор»
2026

Шпетная Н. К.

Карты, снег и пепел / Н. К. Шпетная — «Автор», 2026

«Карты, снег и пепел» — историко-психологический роман с элементами военной хроники о Федоре фон Боке, немецком фельдмаршале, прошедшем путь от прусского кадета до командующего группой армий «Центр» в войне против СССР.Он верит в дисциплину, воинский долг и точность штабной карты. Но карта не показывает голодных пленных, сожжённые дома, детей на дорогах, страх оккупированных городов и цену приказов, за которыми прячутся преступления.На фоне падения Веймарской республики, возвышения нацизма, кампаний в Польше и Франции, наступления на Москву и краха рейха разворачивается история человека, который пытается сохранить офицерскую честь, оставаясь частью режима, уничтожившего само понятие чести.Это роман не о «чистом солдате» и не о готовом злодее. Это история позднего прозрения, молчания, ответственности и войны, которую невозможно удержать в границах карты.

© Шпетная Н. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дорога на запад 5
Часть I. Прусский офицер 8
Глава 2. Кюстрин 12
Глава 3. Форма 18
Глава 4. Август четырнадцатого 23
Глава 5. Штаб и траншея 31
Глава 6. Поражение, которого нельзя назвать 36
Часть II. Государство в мундире 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Наталья Шпетная
Карты, снег и пепел

Пролог. Дорога на запад

В последние дни войны Германия утратила цвет.

Сначала исчезли яркие краски с карт – красные карандашные стрелы советских фронтов, синие линии рек, зелёные пятна лесов. Потом выцвели флаги. Потом – лица. На дорогах, ведущих к Балтике, люди казались серыми от пыли, бессонницы и страха; серыми были лошади, тянувшие телеги, серыми – грузовики без бензина, серыми – солдаты без частей, без приказов, без будущего.

Федор фон Бок смотрел в боковое окно автомобиля и не узнавал собственной страны.

Дорога была забита. Крестьянские повозки, детские коляски, армейские фуры, велосипеды с привязанными к рамам чемоданами, санитарные машины, в которых давно уже не было ни бинтов, ни санитаров. Между ними двигались люди: женщины в мужских пальто, старики с узлами, подростки в слишком больших сапогах, дети, переставшие спрашивать, куда они едут.

Машина продвигалась медленно, рывками, словно сама дорога сопротивлялась движению.

– Опять остановились, – сказал водитель.

Он произнёс это негромко, почти виновато, как если бы лично отвечал за беспорядок, в который превратилась Германия.

Фон Бок не ответил.

На коленях у него лежал портфель из тёмной кожи. Портфель был стар, потёрт по углам, но ещё крепок. В нём находились документы, несколько писем, лекарства, блокнот и сложенная карта северной Германии. Ненужная карта. На ней ещё были дороги, мосты, населённые пункты, условные обозначения. Не было лишь того, что теперь решало всё: где кончается власть, где начинается месть, кто стреляет из леса, кто летит над облаками, кто выдаёт себя за спасителя, а кто – за победителя.

И где, наконец, человеку его возраста и его прошлого можно остановиться.

Он сидел прямо, хотя спина болела с утра. Болело многое: суставы, голова, старая рана, память. Последнее раздражало сильнее всего. Память не подчинялась приказу. Она возвращала не то, что следовало бы вспоминать в конце жизни, – не парады, не вручение маршальского жезла, не безупречно выстроенные полки, – а обрывки.

Молодой лейтенант с чрезмерно блестящими пуговицами на мундире.

Грязный снег у французской дороги в тысяча девятьсот семнадцатом.

Гинденбург, тяжёлый, неподвижный, как памятник самому себе.

Гитлер над картой – с пальцем, вдавленным в пространство между реками, будто земля могла уступить силе этого пальца.

Промёрзшие штабные вагоны под Москвой.

Чёрные точки на белом поле – отступающие люди.

Фон Бок закрыл глаза.

Снаружи кто-то закричал. Затем раздался плач ребёнка, слишком тонкий, чтобы его можно было не услышать даже через закрытое стекло. Водитель оглянулся через плечо.

– Господин фельдмаршал, может, свернём через деревню? Там, говорят, свободнее.

– «Говорят» – не основание для манёвра, – ответил фон Бок.

Голос его прозвучал сухо. Он заметил, как водитель едва заметно выпрямился, словно услышал не старика в дорожной машине, а командующего группой армий.

Фон Бок почти усмехнулся.

Армии больше не было. Были разрозненные части, отдельные командиры, колонны, которые бежали от одного фронта прямо к другому. Были генералы, исчезавшие в гражданской одежде. Были партийные чиновники, ещё недавно обещавшие окончательную победу, а теперь разыскивавшие самолёты, чужие документы и западное направление. Были приказы, которые уже никто не исполнял, и клятвы, от которых вдруг пытались избавиться так, будто они были всего лишь неудачно подобранными словами.

Но привычка к форме речи оставалась.

Она переживает армии, режимы и даже поражения.

Впереди, за поворотом, показался дорожный указатель. Белая краска на нём облупилась, название городка было трудно разобрать. Над крышей придорожного дома висел обрывок полотнища – не флаг, скорее тряпка, оставленная ветром. На крыльце стояла женщина и смотрела на поток беженцев с выражением человека, который уже ничему не удивляется.

Фон Бок отвернулся.

Ему вспомнилась другая дорога – восточная, осенняя, забитая немецкими грузовиками и русскими пленными. Тогда грязь была такой глубокой, что сапоги оставались в ней, как утонувшие звери. Офицеры ругали погоду, железнодорожников, интендантов, русские расстояния. Они говорили о дорогах так, словно дороги были врагом. О холоде – словно холод был заговорщиком. О сопротивлении русских – словно оно нарушало правила заранее написанной кампании.

Никто тогда не говорил: мы ошиблись.

Эти слова не произносились в штабах. Ошибки там называли задержками, осложнениями, отклонениями от графика, временным снижением темпа. Для катастрофы всегда находилось слово менее страшное, чем сама катастрофа.

Машина снова тронулась.

Слева от дороги тянулось поле. Земля была тёмной, тяжёлой после дождей. На дальнем краю белели стволы берёз – почти по-русски белели, и от этой нелепой мысли фон Бок почувствовал внезапный холод.

Он видел Россию прежде всего сверху: на картах, в сводках, в перечнях дорог и железнодорожных узлов. Потом – из окна штабного автомобиля. Потом – сквозь бинокль, над дымом горящих деревень и вспышками артиллерии. И лишь под конец, когда планы перестали сходиться с действительностью, Россия обрела то свойство, которого не было на бумаге: бесконечность.

Не географическую – человеческую.

Люди всё появлялись и появлялись: в окопах, в снегу, у разбитых мостов, в колоннах, уходивших на восток, в деревнях, где за закрытыми ставнями кто-то ждал неизвестно чего. Немецкая армия окружала дивизии, брала города, перерезала шоссе. Но страна не кончалась. И война не кончалась.

Она только становилась больше тех, кто решил её начать.

В небе возник звук.

Поначалу он был далёким, почти неотличимым от гула мотора где-то за деревьями. Водитель поднял голову. Машина вновь остановилась: впереди колонна сжалась у узкого моста.

Звук приближался.

Кто-то на дороге крикнул:

– Самолёты!

Люди не сразу побежали. Усталость оказалась сильнее страха: несколько секунд все лишь смотрели вверх, щурясь в бледное северное небо. Потом движение сорвалось. Телега вильнула

в сторону. Лошадь рванулась, дёрнула оглобли. Женщина упала на обочину, прикрывая собой ребёнка. Солдат без винтовки бросился под мостовую насыпь.

Фон Бок тоже посмотрел вверх.

Он не видел самолётов – только резкий блеск среди облаков. Но опыт мгновенно подсказал ему направление, высоту, скорость. Этот опыт, накопленный за десятилетия, был точен и бесполезен.

– Вниз! – крикнул водитель.

Мир разорвался белым светом и ударом.

Портфель соскользнул с колен фон Бока. Кожа ударилась о пол. Из него вылетела карта, развернулась, зацепилась краем за сиденье и легла на пол неровным листом.

На ней всё ещё были проведены дороги.

Часть I. Прусский офицер
Глава 1. Карта на столе

Июль 1941 года. Штаб группы армий «Центр», Белоруссия

Утро началось с мух.

Они бились о стекло штабного вагона с тупой, неумолимой настойчивостью, словно тоже получили приказ наступать на восток и теперь не желали признавать препятствий. За ночь воздух в вагоне стал тяжёлым: табачный дым, влажная шерсть мундиров, машинное масло, кофе из суррогата и запах бумаги, которую слишком долго держали в руках.

Федор фон Бок стоял у стола.

На столе лежала карта западной части Советского Союза – огромная, испещрённая флажками, карандашными отметками, датами, стрелками, условными знаками. Красные линии, обозначавшие советские части, были разорваны в нескольких местах и загнуты к востоку. Синие немецкие стрелы уходили вперёд, к Смоленску, к Днепру, дальше – к Москве.

На бумаге всё выглядело почти изящно.

– Ночью поступили уточнённые сведения по району южнее Минска, – доложил генерал-майор Карл Вайс.

Он стоял у края стола, держа папку обеими руками. Вайсу было чуть за сорок; он принадлежал к тому поколению, которое успело вырасти в тени поражения, но сделало карьеру уже в армии, снова поверившей в своё предназначение. Лицо его было узким, аккуратным, слишком молодым для усталого взгляда, который появился у него за последние три недели.

– Уточнённые? – переспросил фон Бок, не поднимая глаз.

– Да, господин генерал-фельдмаршал. Число пленных выше вчерашней оценки. Однако часть окружённых соединений продолжает сопротивление. Есть попытки прорыва на восток и северо-восток.

– «Часть» – это сколько?

Вайс перелистнул бумагу.

– Точные данные разнятся. По предварительной оценке, несколько крупных групп. Их состав пока не установлен.

Фон Бок провёл карандашом по изгибу линии фронта.

– Если состав не установлен, не надо называть это «частью». Говорите: противник продолжает сопротивление. Без утешительных слов.

Вайс едва заметно кивнул.

Слова в штабе имели вес. Не тот вес, что снаряд или батальон, разумеется, но иногда именно из слов начиналось самообольщение. «Очищение района» означало, что на дорогах ещё стреляют. «Локальное сопротивление» – что дивизия не может пройти по назначенному маршруту. «Стабилизация» – что кто-то удерживает позицию ценой людей, которых в следующей сводке уже не упомянут.

Фон Бок не любил неточность. Он считал её почти нравственным пороком – наравне с опозданием, неряшливостью в документах и излишней разговорчивостью младших офицеров. В том, что неточность могла быть и способом не видеть правду, он предпочитал не размышлять.

Дверь вагона отворилась. Внутрь вошёл начальник оперативного отдела, генерал-майор Шмундт, высокий, сухопарый человек с лицом, которое казалось вырезанным из старого дерева. Он снял фуражку, стряхнул с рукава пыль.

– Доброе утро, господин фельдмаршал.

– Для кого? – спросил фон Бок.

Шмундт позволил себе короткую улыбку.

– Для тех, кто ещё не успел ознакомиться с утренними донесениями.

Он положил на стол несколько листов.

– Танковые группы докладывают о серьёзном износе машин. Особенно на направлениях, где дороги… – он запнулся, подыскивая безопасное слово, – где дорожная сеть не соответствует нашим потребностям.

– Дороги не обязаны соответствовать вашим потребностям, – сказал фон Бок. – Они существуют независимо от генерального штаба. Что с горючим?

– Подвоз отстаёт. Железнодорожные пути требуют перешивки. Захваченный подвижной состав используется не в полном объёме. Кроме того, мосты…

– Мосты взорваны, рельсы другого стандарта, грузовики идут по пыли, которую видно из Берлина. Всё это было известно до двадцать второго июня.

Шмундт помолчал.

– Да, господин фельдмаршал.

– Я не спрашиваю, почему трудно. Я спрашиваю, где именно темп падает.

Офицер наклонился над картой. Его палец остановился у тонкой синей стрелы.

– Здесь. На подступах к Смоленску. И здесь, на дороге через Оршу. Передовые части движутся быстрее снабжения. Пехота отстаёт от танков. Советские подразделения, которые считались разбитыми, появляются в тылу и на флангах.

– Появляются? – фон Бок наконец поднял голову. – Они не грибы после дождя, Шмундт. Если они появляются, значит, мы не уничтожили их там, где считали уничтоженными.

Вайс опустил взгляд в папку.

Вагон на секунду затих. За стеной закашлялся телефонист. Где-то в соседнем купе зазвонил аппарат, потом второй. Война жила звуками: звонком, стуком телеграфного ключа, треском мотора, щелчком затвора, глухим ударом сапога о подножку. Она редко говорила человеческим голосом – слишком много людей участвовало в ней, чтобы каждому достался собственный голос.

Фон Бок взял циркуль и измерил расстояние от нынешних передовых позиций до Москвы.

Он не показывал этого жеста никому. Это было почти суеверие: расстояние менялось медленно, а война – быстро. Но цифра, нанесённая на карту, сохраняла спокойствие. Она обещала, что у всего есть мера.

До Москвы оставалось далеко.

И всё же ближе, чем месяц назад.

– Сколько пленных? – спросил он.

– По всей группе армий, с учётом последних окружений, цифра продолжает расти, – ответил Вайс. – Окончательные данные будут к вечеру.

– Мне не нужна окончательная цифра. Мне нужна реальная картина.

– Реальная картина, господин фельдмаршал… – Вайс сделал паузу. – Реальная картина такова: лагеря переполнены. Конвоев недостаточно. Поступают сообщения о нехватке воды и продовольствия.

Шмундт бросил на него быстрый взгляд – не гневный, скорее предостерегающий.

Фон Бок медленно положил циркуль.

– От кого сообщения?

– От тыловых комендатур. От нескольких армейских корпусов. Есть также доклад медицинской службы.

– Медицинская служба всегда преувеличивает, когда дело касается санитарных условий.

– Возможно, господин фельдмаршал. Но речь идёт о десятках тысяч человек.

– Речь идёт о войне, Вайс.

Это прозвучало не как возражение, а как формула, давно выученная и потому не требующая доказательств.

Вайс кивнул, но не отступил.

– Разрешите заметить: если положение продолжится, это скажется на безопасности тыла, на эпидемической обстановке и на возможности использовать дороги для снабжения войск.

Вот так следовало говорить. Не о людях – о дорогах, санитарной обстановке, безопасности. Вайс понял это мгновенно и, кажется, возненавидел себя за то, что понял.

Фон Бок снова посмотрел на карту.

– Передайте тыловым службам: обеспечить порядок. Пленные не должны мешать движению войск. Медицинской службе – принять меры против эпидемий. И никаких общих формулировок в докладах. Мне нужны цифры, места и ответственные.

– Так точно.

Шмундт откашлялся.

– Есть ещё вопрос о сообщениях айнзацгрупп, господин фельдмаршал.

Вайс застыл.

Фон Бок не сразу ответил.

– Это не компетенция штаба группы армий.

– Да. Но их действия происходят в полосе нашего продвижения. В отдельных районах местные комендатуры просят разъяснений по транспорту, охране и взаимодействию.

– Пусть обращаются по инстанции. Армия не должна заниматься чужими ведомствами.

– Разумеется.

Шмундт сказал это с облегчением. Вайс – с выражением, которого фон Бок не заметил.

За окном медленно прошла колонна грузовиков. На брезенте одного из них белела надпись мелом: «Москва». Кто-то из солдат написал её крупно, с наклоном, как пишут имя любимой женщины или обещание, в которое нужно поверить раньше, чем оно станет правдой.

Фон Бок проследил за грузовиком взглядом.

Москва.

Слово было слишком велико для карты и слишком далеко для сегодняшнего утра. Оно означало не только город. Оно означало завершение кампании, разгром противника, возвращение германской армии в круг непобедимых сил Европы. Оно означало, что все трудности – нехватка горючего, грязные дороги, сопротивление окружённых, растянутые колонны – окажутся лишь примечаниями к победе.

Он знал, что это опасная мысль.

И всё же не мог от неё отказаться.

В штабной вагон вошёл адъютант.

– Господин генерал-фельдмаршал, связь со ставкой. Вас ожидают.

Фон Бок надел фуражку.

– Господа, к полудню мне нужен пересмотренный доклад по Смоленскому направлению. Без победных украшений. Но и без паники.

Он направился к двери, затем остановился.

– И, Вайс.

– Господин фельдмаршал?

– Вы правы в одном. Десятки тысяч человек – это проблема.

Вайс ожидал продолжения.

– Но решать её надо так, чтобы она не стала проблемой для армии.

Фон Бок вышел.

Вайс остался у карты. На ней синяя стрела, обозначавшая германское наступление, пересекала тонкую извилистую линию Днепра и устремлялась дальше, на восток. Рядом кто-то отметил красным карандашом советские силы – неровно, неуверенно, словно рука, державшая карандаш, сама не верила в то, что рисует.

Шмундт собрал бумаги.

– Не принимайте всё слишком близко к сердцу, генерал.

– Что именно?

– Войну.

Вайс посмотрел на него.

– А как, по-вашему, её следует принимать?

Шмундт надел фуражку.

– Профессионально.

Он сказал это спокойно, без жестокости. Почти с усталой добротой человека, который много лет назад нашёл для себя удобную дверь и с тех пор старательно не смотрел, куда она ведёт.

Когда он ушёл, Вайс ещё долго стоял у стола.

За окном грузовики двигались на восток. На запад, в облаке пыли, брела колонна пленных. Издали люди казались одинаковыми – серые гимнастёрки, опущенные головы, медленные шаги. Но один из них вдруг поднял лицо к солнцу, и Вайс увидел, что это совсем молодой парень, почти мальчик.

Потом колонна скрылась за поворотом.

Глава 2. Кюстрин

Кюстрин, Пруссия. Осень 1888 года

В Кюстрине ветер всегда приходил с реки.

Он шёл по Одеру, проходил между крепостными стенами, забирался в узкие улицы и стучал ставнями так, словно требовал впустить его в каждый дом. Взрослые говорили, что это восточный ветер: сухой, колючий, упрямый. Маленький Федор не понимал, почему у ветра может быть характер. Но однажды отец сказал:

– Всё, что приходит с востока, следует принимать всерьёз.

И мальчик запомнил.

Дом фон Боков стоял не на самой шумной улице, но достаточно близко к гарнизонной части города, чтобы утренние трубы были слышны даже при закрытых окнах. Федор просыпался раньше, чем его будила мать. Иногда – от звука копыт на булыжнике, иногда – от команды, отданной во дворе казармы, иногда – просто потому, что уже знал: отец встаёт до семи.

В доме не любили поздних пробуждений.

Отец, Мориц фон Бок, служил с тем спокойным достоинством, которое маленькому Федору казалось самой природой взрослого мужчины. Он не повышал голоса без необходимости, не рассказывал за столом длинных историй и никогда не жаловался. Его усы были аккуратно подстрижены, сапоги – начищены до чёрного блеска, а мундир сидел на нём так, будто был не сшит портным, а выдан вместе с телом при рождении.

Федор боялся отца не потому, что тот был суров.

Страшнее было другое: отец редко показывал, доволен ли он.

В то утро мальчик сидел за столом, стараясь не болтать ногами. Перед ним стояла чашка молока, кусок хлеба и тарелка с яйцом. За окном лил дождь, но в столовой было тепло: печь потрескивала, серебряная ложка поблёскивала на белой скатерти, часы на стене отсчитывали секунды с такой уверенностью, будто опаздывать в мире было запрещено.

Мать читала письмо. Она держала его обеими руками и хмурилась.

– От твоего брата? – спросил отец.

– От кузена Эрнста. Он пишет из Берлина. Там снова говорят о выборах, министерствах, газетах… – она сложила письмо. – И, разумеется, о том, что страна меняется.

– Страна меняется каждый раз, когда в Берлине хотят показаться важными, – сказал отец. – А потом армия получает приказ исправлять последствия.

Мать взглянула на него с едва заметной улыбкой.

– Ты говоришь так, будто армия существует вне страны.

– Армия и есть то, что не даёт стране исчезнуть.

Федор поднял глаза.

Отец заметил это.

– Что?

– Ничего, папа.

– Если у тебя есть вопрос, задавай его.

Мальчик помедлил.

– А страна может исчезнуть?

Мать тихо вздохнула. Отец отложил нож.

– Страна может стать слабой, плохо управляемой, униженной. Может забыть, что ей надлежит делать. Но исчезает она лишь тогда, когда люди перестают считать её своей обязанностью.

Федор не вполне понял ответ. Однако слово «обязанность» прозвучало так весомо, что он почувствовал: его следует запомнить.

Отец посмотрел на часы.

– После завтрака ты пойдёшь со мной.

– В крепость?

– До плаца. Если дождь не превратит тебя в бумажного солдатика.

– Не превратит.

– Посмотрим.

Мать хотела возразить, но не стала. В доме фон Боков спорили редко. Не потому, что все были согласны, а потому, что разногласие считалось вещью, требующей особого повода, подходящего времени и безупречно подобранных слов.

Федор доел яйцо, стараясь делать это быстро, но не торопливо.

Отец заметил и это.

– Не глотай. Скорость без порядка – всего лишь суета.

Федор положил ложку.

– Да, папа.

Через четверть часа они уже шли по мокрой улице. Отец держал зонт высоко, но ветер всё равно бросал дождь им в лица. Город казался сложенным из серого камня, кирпича и военной памяти. Крепостные стены поднимались над водой, тяжёлые и старые. На площади у булочной стояла телега с капустой. Две женщины спорили о цене так яростно, будто решали судьбу королевства. Возле ворот в казармы часовой переступал с ноги на ногу, но спину держал прямо.

Федор посмотрел на него с восхищением.

– Ему холодно? – спросил он.

– Конечно.

– Но он не показывает.

– В этом и состоит его служба.

Они миновали ворота. На плацу солдаты строились в роты. Дождь стекал по киверам, по ремням, по прикладам винтовок. Сержант ходил вдоль строя, поправляя чей-то ремень, чей-то воротник, чью-то слишком вольно поставленную ногу.

Федор замер.

Ему нравилось, что много взрослых мужчин могут двигаться как один. Нравилось, что команда, прозвучавшая резко и коротко, превращается в шаг, поворот, линию. В этом было что-то успокаивающее. Мир, в котором каждый знает своё место, не мог оказаться по-настоящему страшным.

Отец обменялся приветствием с несколькими офицерами. Один из них, краснолицый капитан с густыми бакенбардами, наклонился к мальчику.

– Вот и молодой господин фон Бок. Решил проверить, хорошо ли мы здесь служим?

Федор почувствовал, как к щекам приливает кровь.

– Нет, господин капитан.

– Нет? А я надеялся получить высокую оценку.

Отец стоял рядом, и мальчик понял, что от него ждут ответа – не смешного, не дерзкого, но и не робкого.

– Я ещё не умею оценивать службу, господин капитан, – сказал он. – Но я вижу, когда строятся ровно.

Капитан расхохотался.

– Хорошо сказано. Слышите, Мориц? Мальчик уже опасен для командиров.

Отец не улыбнулся сразу. Он лишь посмотрел на сына сверху вниз.

– Наблюдательность полезна. Если за ней следует труд.

Это было всё.

Но Федор потом помнил этот день много лет: холодный дождь, мокрые сапоги, запах конюшен, блестящие от воды ряды винтовок – и короткую, почти неуловимую перемену в отцовском голосе. Не похвалу даже. Разрешение однажды её заслужить.

Они вернулись домой к полудню. Мать встретила их в прихожей, увидела грязь на ботинках сына и укоризненно посмотрела на мужа.

– Он же промок до нитки.

– Он видел учения.

– Это, разумеется, должно заменить ему сухую одежду.

Отец снял перчатки.

– Он видел, как выглядит порядок.

– Мориц, ему восемь лет.

– Именно поэтому.

Мать присела перед Федором и поправила ему воротник.

– А что ты видел, Федор?

Он хотел ответить так, как ожидал отец: солдат, строй, команду, плац. Но вдруг вспомнил часового у ворот, стоявшего под дождём.

– Что им холодно, – сказал он.

Мать подняла на него глаза.

Отец медленно повернулся к окну.

На мгновение в прихожей стало тихо. Лишь с мокрого пальто падали капли на каменный пол.

– И что ещё? – спросила мать.

Федор задумался.

– Что они всё равно стоят.

– Да, – сказала она. – Иногда люди стоят потому, что должны. А иногда – потому, что не знают, куда ещё идти.

Отец резко взглянул на неё, но ничего не сказал.

Мальчик не понял и этих слов. Он только почувствовал, что мать произнесла нечто важное, но такое, о чём при отце лучше не спрашивать.

Вечером, уже в детской, он долго не мог уснуть.

Ветер ходил вокруг дома. За стеной взрослые говорили тише обычного – отец, вероятно, читал газету, мать отвечала ему короткими фразами. Федор лежал под одеялом и представлял плац. Солдаты стояли ровными рядами. Дождь больше не шёл. Отец проходил вдоль строя, а потом останавливался перед ним, Федором.

– Что такое служба? – спрашивал он.

И мальчик, во сне или наяву, отвечал:

– Это когда стоишь, даже если холодно.

За окном ветер ударил в ставню.

Федор открыл глаза.

Ему вдруг показалось, что в доме стало темнее, чем должно быть.

Утром дождь прекратился, но город ещё долго пах мокрым камнем, углём и речной тиной.

Федор проснулся позднее обычного. Это случилось потому, что ночью ему приснился плац – не тот, вчерашний, а огромный, без края, на котором стояли тысячи солдат. Он шёл вдоль их рядов и всё пытался увидеть лица, но лица были скрыты тенями от касок. Потом кто-то подал команду, и весь строй разом повернулся туда, где над горизонтом поднималось красное солнце.

Он проснулся оттого, что солнце действительно било в щель между шторами.

Няня уже открыла дверь.

– Молодой господин, вам пора.

– Который час?

– Тот, в который дети должны быть умыты и одеты.

Это был ответ, который в доме считался исчерпывающим.

За завтраком отец был в гражданском сюртуке. По воскресеньям он выглядел почти непривычно: без мундира его плечи казались менее широкими, а лицо – старше. На столе лежала газета, развёрнутая так, что Федор видел крупные буквы заголовка, но не мог прочесть всего текста.

– Сегодня после службы к нам придёт дядя Вильгельм, – сказала мать. – Будь вежлив и не задавай вопросов о политике.

– Почему? – спросил Федор.

Мать посмотрела на него с той мягкой строгостью, которая означала: ты только что нарушил правило, о существовании которого тебя предупредили мгновение назад.

– Потому что взрослые часто спорят о политике, когда хотят говорить о себе.

Отец отложил газету.

– Это несправедливо по отношению к политике.

– И слишком справедливо по отношению к взрослым, – ответила мать.

Федор не понял, почему она улыбается, а отец нет.

Дядя Вильгельм появился после полудня. Он приехал из Берлина и привёз с собой запах табака, железнодорожного вагона и большого города. В отличие от отца, он носил густую седую бороду и говорил громче, чем требовалось. Он поцеловал хозяйке руку, Федора хлопнул по плечу так, что тот едва не уронил книгу, и объявил:

– А вот и будущий гроза штабов! Ты уже решил, кем будешь?

Федор ответил без колебаний:

– Офицером.

– Прекрасно. Самая благородная и самая неблагодарная профессия. Особенно если вокруг слишком много людей, желающих объяснить армии, как ей воевать.

Отец бросил на брата предупреждающий взгляд.

– Федор ещё ребёнок.

– Именно поэтому он может услышать правду, не приняв её за оскорбление.

За кофе взрослые устроились в гостиной. Федору велели заниматься в соседней комнате, оставив дверь чуть приоткрытой. Он честно раскрыл учебник истории, но спустя несколько минут понял, что читает одну и ту же строчку, не запоминая ни слова.

Из гостиной доносились голоса.

– Ты говоришь так, будто все беды исходят из рейхстага, – сказал отец.

– А разве нет? Там слишком много тех, кто не способен отличить ответственность от речи.

– Речь иногда предотвращает то, что потом приходится исправлять оружием.

– О, Мориц, это сказал бы министр, а не офицер.

– Офицер, который желает войны ради того, чтобы подтвердить своё существование, плохой офицер.

Наступила пауза.

Федор осторожно придвинулся ближе к двери.

– Я не желаю войны, – сказал дядя Вильгельм уже тише. – Я желаю, чтобы Германии не приходилось каждый раз доказывать, что с ней следует считаться.

– Это не одно и то же, но слишком легко становится одним и тем же.

Мать что-то сказала, но её слов Федор не разобрал.

Потом взрослые заговорили о знакомых, о службе, о Берлине. Он вернулся к книге. На странице был портрет Фридриха Великого: худое лицо, треуголка, холодные глаза. Под изображением стояла подпись о короле, который сделал Пруссию великой европейской державой.

Федор провёл пальцем по краю страницы.

Ему нравился Фридрих. Не потому, что он побеждал – о победах в книге говорилось много, и все они смешивались между собой, – а потому, что король выглядел человеком, которому никто не мог объяснить, что делать. Он, вероятно, знал всё сам.

Вечером, когда дядя уехал, отец позвал Федора в кабинет.

Кабинет был маленьким, с книжными шкафами, письменным столом и двумя саблями на стене. Одну из них отец получил ещё в молодости. О другой он никогда не рассказывал. Над столом висел портрет кайзера. Рядом стояла фотография в тёмной рамке: несколько офицеров у палатки, на фоне летнего лагеря. Все были молоды и серьёзны.

– Сядь, – сказал отец.

Федор сел на край стула.

Отец некоторое время перебирал бумаги. Затем вынул из ящика небольшой футляр и положил перед сыном. Внутри лежал карманный компас в латунной оправе.

– Это не игрушка, – сказал он.

Федор осторожно взял компас. Стрелка дрогнула и остановилась.

– Он был у меня на манёврах, когда я был почти твоего возраста. Потом – на службе. Теперь он твой.

– Правда?

– Правда. Но прежде ответь: зачем офицеру компас?

Федор задумался. Ответ казался очевидным, но отец не задавал очевидных вопросов без причины.

– Чтобы не потеряться.

– Этого недостаточно.

Мальчик посмотрел на стрелку.

– Чтобы знать, куда идти?

– Уже ближе. Офицер должен понимать, где он находится. Тогда он сможет понять, куда ведёт других.

Федор кивнул.

– А если он не знает?

Отец посмотрел на него внимательно.

– Тогда он не имеет права делать вид, что знает.

Слова прозвучали просто. Они не были похожи на наставление, которое следовало немедленно выучить. Но Федор ощутил, что отец сказал нечто из своего собственного, скрытого мира – не для плаца, не для гостей, не для газет.

Он сжал компас в ладони.

– Я не буду делать вид.

Отец кивнул.

– Посмотрим.

Это «посмотрим» в устах отца означало больше, чем обещание и меньше, чем доверие. Оно оставляло всю работу впереди.

Годы спустя Федор фон Бок будет помнить этот компас. Не сам предмет – тот затеряется среди переездов, форм, бумаг, штабных карт и вещей, которые человек перестаёт замечать, пока не оказывается слишком поздно, чтобы их вернуть. Он будет помнить движение стрелки: короткое колебание и неизбежную остановку.

На север.

Как будто направление существовало само по себе, независимо от желаний, приказов и человеческой гордости.

Глава 3. Форма

Потсдам, 1897 год

К тому времени, когда Федор фон Бок впервые прибыл в Потсдам как юнкер, он уже знал, как следует стоять, здороваться, слушать старшего по званию и держать лицо, когда сапог натирает пятку до крови.

Он не знал только одного: достаточно ли этого.

Поезд пришёл ранним утром. Платформа была залита серым светом, в котором паровозный дым казался не чёрным, а сизым. Носильщики кричали, хлопали двери вагонов, дамы в дорожных шляпках искали багаж, чиновники торопились с портфелями под мышкой. Среди всего этого беспорядка юнкера выделялись сразу – слишком прямые, слишком чистые, слишком старательно безразличные к тому, что их окружало.

Федор сошёл на платформу с одним чемоданом и кожаным футляром для документов. На нём был новый мундир, ещё не успевший принять форму тела. Воротник натирал шею. Перчатки казались слишком жёсткими. Он чувствовал себя одновременно значительным и нелепым – как человек, надевший собственную будущую жизнь раньше, чем успел в неё врасти.

Рядом на платформе появился молодой человек с круглым лицом и светлыми усами, которые, вероятно, казались их владельцу более внушительными, чем всем остальным.

– Фон Бок? – спросил он.

– Да.

– Курт фон Редер. Нас направили в один батальон.

Он протянул руку и тут же, будто испугавшись излишней фамильярности, выпрямился.

– Рад знакомству.

– Взаимно.

– Вы из Кюстрина?

– Да.

– Говорят, там дети вместо колыбельных слушают сигналы горна.

– Это преувеличение, – сказал Федор.

Редер улыбнулся.

– Значит, слушают только по воскресеньям.

Федор хотел ответить сухо, но почему-то не стал. Он лишь взял чемодан, и оба двинулись к выходу со станции.

Потсдам был не просто городом. Он был декорацией к идее государства – с дворцами, строгими фасадами, аллеями, казармами, конюшнями, памятниками королям и ровными рядами окон. Даже деревья здесь, казалось, стояли по ранжиру. Над городом чувствовалось присутствие Берлина: огромного, шумного, самоуверенного. Но Потсдам смотрел на него свысока, как старый генерал на способного, но плохо воспитанного младшего офицера.

В казармах юнкеров встретил унтер-офицер Крамер – человек такой худой, что его мундир, казалось, держался не на плечах, а на одном лишь презрении к человеческой слабости.

– Господа, – произнёс он, оглядывая прибывших, – вы прибыли сюда с фамилиями, багажом и, вероятно, некоторыми привычками. Здесь от вас потребуется только одно из перечисленного. Фамилии оставьте при себе. Багаж – в комнатах. Привычки выбросьте.

Он прошёл вдоль строя.

– В армии есть три рода ошибок. Первая – ошибка от незнания. Её иногда можно исправить. Вторая – ошибка от небрежности. За неё отвечают. Третья – ошибка от самоуверенности. Её совершают обычно те, кто уверен, что не совершает ошибок вовсе.

Крамер остановился перед Редером.

– Юнкер, почему ваш ремень расположен так?

– Господин унтер-офицер, я…

– Не объясняйте. Объяснение – это то, чем человек пытается прикрыть ремень, расположенный неправильно.

Через четверть часа все вновь прибывшие уже занимались собственными ремнями, пуговицами, воротниками и сапогами с такой сосредоточенностью, с какой иные люди занимаются вопросами веры.

Первые недели стали для Федора испытанием не силы, а точности.

Подъём до рассвета. Умывание ледяной водой. Осмотр формы. Строевая подготовка. Верховая езда. Тактика. История войн. Устав. Стрельба. Французский язык – необходимый не потому, что Франция была врагом, а потому, что офицер не должен был казаться необразованным, где бы ему ни пришлось оказаться. Вечером – чистка оружия, сапог, ремней, пуговиц, а потом часы, когда голова уже требовала сна, но руки должны были продолжать работу.

Федор обнаружил, что усталость делает людей откровеннее.

К концу первой недели Редер признался, что ненавидит верховую езду.

– Лошадь – это животное, которое знает, что ты боишься, ещё до того, как ты сам успел это понять, – сказал он, сидя на койке и растирая колено.

– Тогда не следует бояться.

– Великолепный совет. А если она наступит тебе на ногу?

– Надо отдёрнуть ногу.

Редер посмотрел на него.

– Фон Бок, вы, должно быть, родились в учебнике.

– А вы, Редер, вероятно, родились в кофейне.

– У нас в семье нет кофейни.

– Это заметно.

Редер рассмеялся – негромко, чтобы не услышал дежурный.

Федор не сразу понял, что ему приятно это звучание. В Кюстрине он привык к дому, где смех был редким и осторожным. Здесь он впервые увидел, что ирония может быть не проявлением неуважения, а способом не сломаться от чрезмерной серьёзности.

Однако он не позволял себе слишком многого.

Каждое утро, застёгивая воротник, он вспоминал отцовское «посмотрим». Иногда это злило его. Отец не требовал от него невозможного – в этом и заключалась трудность. Невозможное можно было бы отвергнуть как несправедливость. Но порядок, усердие, ясность мысли, дисциплина – всё это зависело лишь от него самого.

И он старался.

На занятиях по тактике преподаватель, капитан фон Лоссов, любил ставить перед юнкерами задачи, в которых заранее не хватало сведений.

– Ваш взвод получает приказ занять высоту к северу от деревни, – говорил он. – Слева лес, впереди ручей, противник неизвестен. Что предпримете?

Юнкера поднимали руки, спешили предложить обход, разведку, удар во фланг, развёртывание цепью. Капитан слушал, хмурился, перебивал.

– Почему вы считаете, что ручей проходим?

– Откуда у вас данные о численности противника?

– Вы предлагаете обход? Прекрасно. А если лес заболочен?

Однажды Федор сказал:

– Прежде всего необходимо установить, что именно значит «занять высоту», господин капитан. Удерживать её, вести наблюдение, подготовить позицию для дальнейшего наступления или просто опередить противника?

Капитан посмотрел на него поверх пенсне.

– Ваша фамилия?

– Фон Бок, господин капитан.

– Вы любите уточнения, фон Бок?

– Когда приказ недостаточно ясен – да.

– Это может быть полезным качеством. Но не забывайте: на войне приказ почти всегда недостаточно ясен. Вопрос лишь в том, сколько времени у вас есть, чтобы это заметить.

После занятия Редер догнал Федора в коридоре.

– Вы видели его лицо? Он почти похвалил вас.

– Он указал на недостаток моей позиции.

– Это и была похвала. В армии, если старший не назвал вас идиотом, уже можно рассчитывать на хорошее настроение.

Федор промолчал, но запомнил слова капитана.

На войне приказ почти всегда недостаточно ясен.

Тогда это казалось ему профессиональной мудростью, частью ремесла. Он ещё не знал, что однажды будет читать приказы, ясность которых окажется страшнее любой двусмысленности.

В ноябре юнкеров отправили на полевые учения. Ночи стали холодными, земля под утро покрывалась тонкой ледяной коркой, лошади фыркали белым паром. Их рота должна была совершить марш к условной линии обороны, развернуться у леса и отразить учебную атаку другой части.

Всё началось плохо.

Ещё в сумерках один из обозных фургонов увяз на размокшей дороге. Потом оказалось, что карта у командира отделения устарела: просёлок, который на ней значился, был перекрыт новым забором и канавой. Следовало обходить. Юнкера уже промокли до колен, когда поступил приказ ускорить движение.

– Вот оно, практическое применение теории, – процедил Редер, прыгая через лужу. – В учебнике дорога была сухой.

– В учебнике нет дорог, – ответил Федор. – Там есть направления.

– Это хуже.

Когда они добрались до назначенной высоты, атака уже началась. Не настоящая, конечно: холостые патроны, дымовые шашки, крики инструкторов. Но в сером лесу, среди хлопков и дыма, неразбериха оказалась такой убедительной, что Федор на несколько секунд перестал различать, где распоряжение, а где шум.

Рядом упал Редер – споткнулся о корень и выругался.

– Нога?

– Нет. Гордость.

Федор протянул ему руку, но в этот миг увидел, что отделение, которому поручили прикрыть левый фланг, ушло слишком далеко. Между ними и основной линией образовалась пустота.

Он окликнул унтер-офицера. Тот не услышал – или сделал вид, что не услышал. Тогда Федор, не дожидаясь команды, собрал ближайших юнкеров и повёл их к краю леса.

Позднее капитан фон Лоссов скажет, что это было разумное решение, хотя и принятое без прямого приказа. Пока же Федор видел только влажные стволы деревьев, белёсый дым и людей, которые смотрели на него, ожидая указания.

– Здесь, – сказал он. – Интервал. Не сбиваться. Редер, правее. Если увидите движение на опушке – сообщайте, не стреляйте без команды.

Редер взглянул на него удивлённо.

– Вы уже командуете мной?

– Я предлагаю вам не дать противнику обойти нас.

– В таком случае я согласен.

Они заняли позицию вовремя. Учебная атака захлебнулась у леса – не из-за их выдающегося мастерства, как потом объяснил капитан, а потому, что «противник» тоже заблудился на местности и получил приказ прекратить упражнение. Но несколько минут Федор чувствовал то, чего не давали ни аудитория, ни плац: тяжесть решения, принятого в неполной ясности.

Ему это чувство понравилось.

Не власть над другими – он ещё не назвал бы его так. Скорее момент, когда смятение вокруг уступает порядку, потому что кто-то должен сказать: сюда, сейчас, так.

Вечером, сидя у костра, юнкера сушили сапоги и спорили о манёврах. Редер держал в руках котелок с жидким супом и ел с видом человека, которого предали все учреждения мира.

– Если это победа, – сказал он, – я начинаю понимать французов.

– Французов здесь не было, – заметил Федор.

– Тем хуже для них. Они не смогли оценить наше страдание.

– Ты слишком много говоришь.

– А ты слишком мало. Поэтому мы прекрасно дополняем друг друга.

Редер вдруг стал серьёзным.

– Ты правда хочешь всю жизнь провести в армии?

Федор не ответил сразу.

Вокруг костра сидели молодые люди, почти все из семей, где служба считалась естественным продолжением фамилии. Кто-то хотел чиновничьей карьеры, но не имел связей. Кто-то мечтал о кавалерии, потому что форма была красивее. Кто-то – о Генеральном штабе, потому что там, по слухам, можно было влиять на историю, не пачкая сапог в грязи.

– Да, – сказал Федор. – Хочу.

– Почему?

Он посмотрел на огонь.

– Потому что армия требует от человека всего.

– Это не ответ. Тюрьма тоже требует всего.

Федор поднял на него глаза.

Редер пожал плечами.

– Не сердись. Я просто хочу понять. Тебе нравится, когда всё расписано? Вставать по сигналу, ехать по приказу, говорить правильные слова?

– Мне нравится знать, за что отвечаешь.

– А если приказ отдаёт человек, который не знает, за что отвечает?

Огонь треснул. Кто-то неподалёку засмеялся, потом кашлянул.

Федор ответил не сразу:

– Тогда его надо заменить.

– Кем?

– Тем, кто знает.

Редер тихо покачал головой.

– Ты действительно веришь, что так бывает?

– Иначе зачем вообще нужна служба?

Редер не стал спорить. Он лишь отхлебнул суп и поморщился.

– Ради приличного жалованья, плохой еды и возможности промокнуть в местах, куда разумный человек не поедет добровольно.

Федор усмехнулся.

Это было короткое движение губ, почти незаметное. Но Редер увидел.

– Вот, – сказал он. – Значит, ты всё-таки человек.

Над лесом поднималась луна. Холод быстро забирался под шинели, и костёр уже не спасал. Завтра они должны были вернуться в Потсдам, снова чистить форму, сдавать оружие, слу-

шать разбор ошибок. Капитан объяснит им, где они действовали правильно, где – глупо, где – случайно успешно.

Федор знал, что запомнит этот вечер не из-за учебного боя.

Он запомнит вопрос Редера.

А если приказ отдаёт человек, который не знает, за что отвечает?

Тогда он счёл вопрос праздным. В мире, который он видел вокруг себя, существовали кайзер, армия, закон, старшие, младшие, ответственность и цепь командования. В ней могли быть слабые звенья, но сама цепь казалась нерушимой.

Он ещё не представлял, что однажды самым страшным станет не безответственный приказ.

А приказ, отданный человеком, который прекрасно понимает, что делает.

Глава 4. Август четырнадцатого

Берлин – Западный фронт. Август 1914 года

Война пришла в Берлин не пушечным выстрелом, а музыкой.

Она звучала на площадях, у вокзалов, в пивных, на перекрёстках, где люди теснились вокруг газетных киосков. Военные оркестры играли так громко, словно Европа уже была побеждена и оставалось лишь сообщить об этом иностранным правительствам. Девушки бросали цветы в открытые вагоны. Мужчины в гражданских костюмах поднимали шляпы. Мальчишки бежали вдоль платформ, стараясь дотронуться до солдатских ранцев.

Капитан Федор фон Бок стоял у окна штабного помещения и смотрел на улицу.

Ему было тридцать четыре. За прошедшие годы он научился говорить короче, слушать внимательнее и не показывать, когда раздражён. Его мундир сидел безупречно. На висках появилась первая седина – слишком ранняя, по мнению матери, и вполне заслуженная, по мнению отца.

За окном толпа скандировала что-то про кайзера и победу.

В комнате за спиной фон Бока двое офицеров спорили над картой Бельгии.

– Через Льеж мы пройдём за считаные дни, – говорил один. – Главное – не дать французам развернуться.

– Англичане? – спросил второй.

– Англичане всегда опаздывают к началу и приезжают вовремя к концу, чтобы потребовать своё.

Кто-то рассмеялся.

Фон Бок повернулся.

– Господа, если мы намерены победить Британскую империю, полезно сначала перестать объяснять её анекдотами.

Смех оборвался.

Офицер, говоривший об англичанах, покраснел.

– Я не имел в виду…

– Я знаю, что вы имели в виду. Именно это и беспокоит.

Он подошёл к столу. На карте были отмечены германские армии, направления движения, железнодорожные линии, мосты. План казался огромным, но в то же время совершенным: колоссальная машина, в которой каждый корпус, вагон, батальон и запасная лошадь имели своё место.

Фон Бок уважал планы.

Он знал, что без них война превращается в толпу вооружённых людей, движущихся навстречу бедствию. Но даже теперь, в первые дни мобилизации, когда все говорили о точности расписаний и о том, что германская система работает лучше любой иной, его не покидало странное чувство.

Слишком многое происходило без усилия.

Слишком легко люди соглашались на войну.

Вечером он зашёл к родителям. Мать встретила его в прихожей и, едва закрыв дверь, прижала ладонь к его щеке.

– Ты похудел.

– Война ещё не началась.

– Именно поэтому я и говорю сейчас.

В гостиной отец стоял у окна. Он был уже старше, чем Федор привык его видеть: плечи по-прежнему сохраняли военную прямоту, но волосы почти поседели. На столе лежала газета с огромным заголовком о германской мобилизации.

– Тебя отправляют на запад? – спросил он.

– Вероятнее всего.

– Хорошо.

Мать резко обернулась.

– Хорошо?

Отец помолчал.

– Я хотел сказать: это соответствует его подготовке.

– Мориц, он твой сын, а не пункт в распоряжении.

– Именно поэтому я не стану говорить с ним как с ребёнком.

Федор снял перчатки.

– Я буду при штабе, мама. Это не передовая.

– На войне передовая всегда ближе, чем кажется тем, кто рисует её карандашом.

Он посмотрел на неё. За двадцать с лишним лет она почти не изменила манеры говорить: тихо, без нажима, словно произносила то, что не нужно доказывать. И всё же он заметил в её лице нечто новое – не страх даже, а усталость от ожидания страха.

– Я вернусь, – сказал он.

Отец повернулся от окна.

– Никогда не обещай того, чего не можешь обеспечить.

Федор почувствовал укол раздражения.

– Что же мне сказать?

– Скажи, что будешь исполнять долг хорошо.

Мать посмотрела на мужа так, что он отвёл взгляд.

– Нет, – сказала она сыну. – Скажи, что постараешься вернуться.

Федор хотел возразить, но вместо этого наклонился и поцеловал её в лоб.

Через два дня его часть отправилась на запад.

На платформе царило то же праздничное безумие, только теперь оно было гуще и громче. Кто-то передал в вагон бутылку вина. Молодой лейтенант, которого фон Бок едва знал, пытался запеть, но сбился на второй строке. Женщина в белой шляпе бросила букет и промахнулась: цветы упали на рельсы.

Поезд тронулся под крики.

Фон Бок стоял у окна. Берлин поплыл мимо: дома, мосты, дым заводов, люди на насыпях. Он видел, как мать осталась на платформе – маленькая, неподвижная, в тёмном платье. Отец стоял чуть поодаль, подняв руку в воинском приветствии.

Федор ответил тем же.

Потом поворот скрыл их обоих.

Первые дни на Западном фронте были похожи на плохо отлаженное представление, которое всё же продолжали играть с полной убеждённостью. В штабах прибывали телеграммы, на дорогах бесконечно шли колонны, железнодорожные станции переполнялись людьми и лошадьми. Войска двигались по графику, но график уже начинал отставать от войны.

Бельгия встретила их дождём.

Он шёл мелко и ровно, превращая поля в тёмную кашу. Деревни казались слишком тихими. На перекрёстках стояли люди, смотрели на проходящих немцев и не выражали ничего – ни ненависти, ни покорности, ни любопытства. Фон Бок привык к тому, что гражданские лица смотрят на армию снизу вверх: с почтением, тревогой, иногда с восторгом. Здесь на них смотрели как на чужих.

Это раздражало некоторых офицеров.

– Они могли бы хотя бы не делать таких лиц, – заметил лейтенант Мартенс, молодой, румяный, всегда готовый поддержать разговор.

– Каких? – спросил фон Бок.

– Будто мы пришли сжечь их дома.

Фон Бок посмотрел в окно автомобиля. По обочине шла пожилая женщина, ведя за руку девочку. На спине у женщины был узел, девочка несла деревянную куклу без одной руки.

– Возможно, для них разница не так очевидна, как для нас, – сказал он.

Мартенс промолчал.

В штабе, расположившемся в здании сельской школы, фон Бок получил первое серьёзное поручение: подготовить сводку о продвижении частей и положении переправ. Работа длилась всю ночь. Телефоны звонили, связисты путались в названиях, посыльные приносили записки, написанные карандашом на мокрой бумаге. В одном донесении сообщалось, что мост захвачен без повреждений. Через двадцать минут другое утверждало, что мост взорван. В третьем говорилось, что взорван соседний мост, а первый захвачен, но его нельзя использовать из-за затора из обозов.

Фон Бок свёл пальцы на переносице.

– Где командир сапёрного батальона?

– Ищут, господин капитан.

– Он не иголка. Он командир батальона.

– Последний раз его видели на дороге к…

– На войне всех в последний раз видели где-то. Найдите его.

Он понимал, что говорит жестоко. Но усталость превращала терпение в предмет роскоши. Через два часа сапёрный командир явился сам – в грязи, с перевязанной рукой, злой и почти трезвый.

– Мост пригоден для пехоты, – сказал он. – Артиллерия пройдёт, если убрать разбитую повозку. Тяжёлые орудия – не раньше полудня.

– Почему об этом не было доложено?

– Потому что у меня два телефона не работают, один связист убит, а второй ушёл искать врача.

Фон Бок почувствовал, как готовое замечание застревает в горле.

– Хорошо, – сказал он. – Отправьте людей к повозке. Мне нужен проход для артиллерии к десяти.

– К десяти будет, если мост не рухнет.

– Он рухнет?

– Всё когда-нибудь рухнет, господин капитан. Но не обязательно сегодня.

Сапёр отдал честь и ушёл.

Фон Бок остался один у стола. На школьной стене висела карта Бельгии, предназначенная для детей: яркие реки, города, аккуратные границы. Поверх неё теперь были приколоты военные схемы. Ему вдруг подумалось, что дети, учившиеся здесь, наверняка знали названия рек лучше, чем многие офицеры, пришедшие их форсировать.

На рассвете он вышел во двор.

Дождь прекратился. Над полем висел серый туман. Из-за дома доносились голоса; санитары несли кого-то на носилках. Лицо раненого было закрыто шинелью, но из-под неё виднелась рука – белая, неподвижная, с грязью под ногтями.

Фон Бок отвернулся.

Он увидел Мартенса, который сидел на ступенях школы и курил. Молодой лейтенант выглядел старше, чем накануне.

– Не спали? – спросил фон Бок.

– Немного.

– Что у вас?

– Ничего, господин капитан.

Это «ничего» было произнесено слишком быстро.

Фон Бок сел рядом, хотя не собирался.

– На войне «ничего» обычно означает что-то неприятное.

Мартенс усмехнулся без веселья.

– Вчера, в одной деревне… Наши люди решили, что по ним стреляли из дома. Там нашли старика с ружьём. Или без ружья. Я не знаю. В темноте всё было…

Он замолчал.

– Что произошло?

– Дом подожгли. Потом ещё два. Говорили, для порядка. Чтобы другим неповадно.

Фон Бок смотрел перед собой.

– Кто отдал приказ?

– Я не знаю.

– Узнайте.

Мартенс затянулся и закашлялся.

– И что потом?

Фон Бок ответил не сразу.

Он мог бы сказать: доложите по команде. Мог бы сказать: самовольство недопустимо. Мог бы сказать: расследование. Все слова были правильными. Но они вдруг показались ему слишком маленькими перед тёмными окнами деревенского дома, который он не видел и всё же уже представлял.

– Потом доложите мне, – сказал он.

Мартенс кивнул.

Фон Бок поднялся.

Он знал, что должен идти к столу, где его ждали донесения. Маршруты, мосты, сроки, расход боеприпасов. Всё то, из чего складывалась война для человека штаба.

Когда он уже взялся за ручку двери, за его спиной раздался голос Мартенса:

– Господин капитан.

– Да?

– Вы думаете, это будет быстро?

Фон Бок обернулся.

Над полем поднимался туман. Где-то далеко грохотала артиллерия – пока ещё редкими, почти неуверенными ударами.

– Никто не знает, – сказал он.

Это был честный ответ.

И всё же, входя обратно в школу, он подумал: Германия не могла позволить себе долгую войну. План был слишком велик, чтобы терпеть сомнение.

К полудню туман рассеялся.

Вместе с ним исчезло последнее ощущение, будто война происходит где-то поодаль – за картой, за линией деревьев, за донесениями, которые приносят другие люди. Теперь она была всюду. На дороге перед школой стояли подводы с ранеными. У колодца ругались артиллеристы: лошади не хотели пить из мутной воды. Во дворе лежали ящики со снарядами, накрытые брезентом. На кирпичной стене кто-то мелом написал направление: «Штаб – 2-й этаж».

Ниже другой рукой было добавлено: «Смерть французам».

Фон Бок остановился, прочёл надпись и велел ординарцу принести ведро воды.

– Смыть, господин капитан?

– Смыть.

– Но это же…

– Я знаю, что это. Смыть.

Ординарец кивнул и ушёл.

Фон Бок поднялся в класс, где расположился оперативный отдел. Столы сдвинули к стенам, карты разложили на полу и на учительском столе. В углу стоял глобус, на котором один из офицеров вчера ради шутки нацарапал карандашом направление германского наступления. Теперь глобус лежал на боку, прижатый к полу ящиком с телефонным оборудованием.

У окна работал Мартенс.

Он выглядел невыспавшимся, но собранным. Перед ним лежал лист бумаги, исписанный неровным почерком.

– Доклад по инциденту в деревне готов? – спросил фон Бок.

– Да, господин капитан.

Мартенс протянул лист.

Сведения были скудными. Разведывательный дозор якобы подвергся обстрелу из дома на окраине. Один солдат был ранен. В доме обнаружили старика, его взрослую дочь и двух детей. Ружьё нашли в сарае. Кто стрелял и стрелял ли вообще, установить не удалось. Командир роты приказал поджечь дом, затем ещё два соседних – «в целях устрашения возможных пособников».

Фон Бок дочитал до конца.

– Где командир роты?

– На передовой. Его часть утром двинулась дальше.

– Фамилия?

– Обер-лейтенант Хассель.

– Он подчиняется кому?

– Полку полковника фон Штольца.

Фон Бок положил лист на стол.

– Подготовьте записку полковнику. Формулировка: обстоятельства требуют проверки, меры наказания гражданского населения без установленной вины недопустимы, дисциплина войск должна сохраняться.

Мартенс посмотрел на него.

– И всё?

Фон Бок медленно повернул голову.

– Что вы предлагаете, лейтенант?

– Я… ничего, господин капитан.

– В таком случае исполняйте.

– Так точно.

Мартенс сел. Перо заскрипело по бумаге.

Фон Бок знал, что записка, возможно, не изменит ничего. Полковник фон Штольц мог поддержать своего обер-лейтенанта. Командир корпуса мог решить, что в условиях наступления не следует отвлекать офицеров на разбирательства. Бумага могла застрять в чьём-нибудь портфеле, затеряться среди распоряжений о мостах, фураже и боеприпасах.

Но запись останется.

Ему было важно, чтобы в деле осталась правильная запись.

Эта мысль принесла облегчение, и он почти сразу ощутил неприязнь к самому себе за это облегчение.

Телефон на учительском столе зазвонил резко, настойчиво. Связист поднял трубку, выслушал, прикрыл микрофон ладонью.

– Господин капитан, штаб дивизии. Срочное сообщение.

Фон Бок взял трубку.

Голос на другом конце линии был искажён помехами.

– …передовые подразделения столкнулись с сопротивлением у деревни Сен-Мартен… вероятно, французская пехота при поддержке пулемётов… дорога простреливается… требуется уточнение по артиллерии…

Фон Бок слушал, задавал короткие вопросы, записывал. Затем подозвал Шольца, офицера связи.

– Передайте батареям: огонь по указанному квадрату только после подтверждения наблюдателя. В деревне гражданские.

Шольц заколебался.

– Господин капитан, если там пулемёты…

– Я сказал: после подтверждения.

– Так точно.

Приказ ушёл по линии. Фон Бок вновь наклонился над картой. Сен-Мартен был обозначен крошечной чёрной точкой – церковь, несколько десятков домов, дорога, уходящая к следующей точке. Вчера вечером это название ничего не значило. Теперь вокруг него могли погибнуть люди, сгореть дома, сорваться наступление целого батальона.

Он подумал, что на карте город никогда не выглядит достаточно большим для того, чтобы в нём кто-то жил.

Через час пришло уточнение: пулемётная позиция находилась не в деревне, а на высоте за ней. Французы отступили после короткого боя. Немецкая артиллерия успела дать лишь несколько выстрелов; один снаряд попал в сарай, но жилые дома не пострадали.

Шольц доложил это почти равнодушно. Для него это было хорошей новостью лишь потому, что не возникало необходимости составлять дополнительные бумаги.

Фон Бок кивнул.

– Потери?

– У нас – двое убитых, семеро раненых. По противнику неизвестно.

В этот момент снаружи донёсся шум мотора. К школе подъехал автомобиль с красным крестом на боку. Санитары быстро вынесли носилки. Один из раненых, молодой солдат с перевязанной головой, вдруг начал громко повторять:

– Я не хотел… я не хотел…

Никто ему не ответил.

Фон Бок услышал это через открытое окно и почувствовал, как в груди поднимается раздражение – не на солдата, не на санитаров, не на войну. На бессилие. На то, что любое чувство, которому позволишь задержаться, мешает работе.

Он закрыл окно.

Вечером ему передали телеграмму от отца.

Сообщение было кратким, составленным с той экономией слов, которой Мориц фон Бок пользовался всю жизнь:

«Из газет видим успехи. Береги людей, насколько позволяют долг и обстоятельства. Мать молится. Отец».

Федор перечитал телеграмму дважды.

Последняя фраза показалась ему почти невероятной. Не потому, что отец не был верующим – в их доме церковь всегда занимала своё надлежащее место, между семейным обедом и государственным праздником. Но Мориц фон Бок никогда не говорил о молитве. Тем более не писал о ней.

«Береги людей, насколько позволяют долг и обстоятельства».

Он сел за стол и долго смотрел на бумагу.

Сколько именно позволяли долг и обстоятельства?

Вопрос был неудобен уже потому, что не имел военного ответа. В штабе можно было рассчитать срок марша, расход снарядов, грузоподъёмность переправы. Можно было даже – при

наличии достаточно точных сведений – предсказать, сколько времени займёт прорыв позиции. Но нельзя было измерить, в какой момент необходимость становилась жестокостью, а жестокость – привычкой.

Фон Бок взял чистый лист и начал ответ.

«Дорогие родители…»

Он остановился.

Слово «дорогие» показалось ему неестественным. Он зачеркнул его.

«Я здоров. Работаю много. Настроение в войсках хорошее. Продвижение продолжается согласно общему замыслу…»

Это звучало как служебная сводка.

Он смял лист.

Вторую попытку он закончил быстрее:

«Отец, мама. Благодарю за телеграмму. Я делаю то, что обязан делать. Надеюсь, вы оба здоровы. Ваш Федор».

Письмо не сообщало ничего. Но именно поэтому, решил он, его можно было отправить.

Ночью фронт впервые приблизился к штабу настолько, что различались не только далёкие раскаты, но и отдельные очереди. В темноте они вспыхивали за деревьями короткими оранжевыми нитями. Несколько офицеров вышли на крыльцо школы и молча курили.

Мартенс тоже был там.

– Не спите? – спросил фон Бок.

– Не получается.

– Привыкнете.

Лейтенант посмотрел на него.

– Это должно успокаивать?

– Нет.

Они постояли молча. Небо над деревьями было низким, беззвёздным. Откуда-то тянуло дымом, хотя поблизости ничего не горело.

– Мой брат служит в пехоте, – сказал Мартенс. – На востоке. Он написал, что у них всё идёт прекрасно. Он всегда пишет матери, что всё прекрасно, даже когда у него сапоги разваливаются или он проигрывает деньги в карты.

– Это разумно.

– Да. Наверное.

Фон Бок заметил, что молодой офицер сжимает сигарету так сильно, что пепел падает ему на рукав.

– Война не будет такой, как сейчас, – сказал он. – Первые недели всегда создают ложное впечатление. Потом приходит усталость. Болезни. Ошибки. Люди начинают понимать цену расстояний.

– Вы говорите так, будто уже воевали.

– Я читал достаточно, чтобы не считать историю развлечением.

– А вам не кажется, господин капитан, что все читали? И французы, и англичане, и мы. Но всё равно приехали сюда.

Фон Бок не ответил.

Мартенс словно пожалел о сказанном.

– Простите. Я не хотел…

– Не извиняйтесь за вопрос, если он задан по делу.

– А это был вопрос?

– Пока нет. Но может стать.

Они докурили в тишине.

Наутро пришёл приказ о дальнейшем продвижении. Войска должны были двигаться быстрее: командование опасалось, что противник успеет закрепиться и сорвёт расчёт наступления. В штабе снова заговорили о темпе, железных дорогах, резервах, графиках.

Война, как всякая большая машина, требовала движения.

Она не спрашивала, успели ли люди понять, куда идут.

Глава 5. Штаб и траншея

Западный фронт. 1916 год

К весне 1916-го война перестала быть новостью.

Она больше не вызывала толп у вокзалов, не помещалась на первых полосах одной только победной газетной полосой и не обещала вернуться к Рождеству. Теперь у неё был свой распорядок: артиллерийский огонь на рассвете, грязь после дождя, перебои с продовольствием, письма из дома, списки потерь, смена частей, новые кресты на кладбищах.

Она стала ремеслом.

И от этого – ещё страшнее.

Федор фон Бок служил в штабе. За два года он успел увидеть достаточно, чтобы утратить уважение к тем, кто говорил о войне как о проверке мужества. Мужество существовало, конечно. Оно было в солдате, который после ночного обстрела возвращался в траншею, хотя знал, что утром всё повторится. В санитаре, вытаскивавшем раненых из-под огня. В связисте, ползущем по размокшей земле к перебитому проводу.

Но война не была устроена для мужества.

Она была устроена для расхода.

В штабном помещении, размещённом в бывшем доме нотариуса, пахло сыростью, сапогами и дешёвым табаком. Стены комнаты были обиты тёмными панелями; на одной ещё висел портрет хозяина дома – человек с бакенбардами и выражением благополучия, которое теперь казалось почти непристойным. Под портретом стоял стол с полевыми телефонами. Провода уходили в окно, пересекали двор, исчезали в сером небе.

Фон Бок сидел над оперативной сводкой.

На листе было всего несколько строк:

«Противник после интенсивной артиллерийской подготовки предпринял атаку на участке…

Передовые позиции удержаны.

Потери уточняются.

Боеприпасы расходуются выше расчётной нормы».

Он перечитал текст, затем взял карандаш.

«Передовые позиции удержаны».

Это означало, что траншея, обозначенная на карте тонкой линией, по-прежнему принадлежала германской армии.

«Потери уточняются».

Это означало, что внизу, в нескольких километрах отсюда, офицеры пересчитывают убитых, раненых и пропавших; что у кого-то не осталось целой роты; что писари уже выводят фамилии; что санитары вытирают руки о шинели, потому что бинтов не хватает.

«Боеприпасы расходуются выше расчётной нормы».

Это означало, что артиллерия стреляла дольше и чаще, чем предполагалось, потому что иначе пехота не удержала бы позиции.

Фон Бок зачеркнул «расходуются» и написал: «израсходованы в объёме, превышающем расчётный».

Фраза стала точнее.

И от этого – ничуть не легче.

В дверь постучали.

– Войдите.

На пороге появился майор Курт фон Редер.

Он изменился сильнее, чем фон Бок ожидал. Светлые усы потемнели от табака, лицо похудело, в складках у рта появилась усталость. Но привычка к иронии осталась – её нельзя было вытравить ни артиллерией, ни штабной службой.

– Ты опять исправляешь глаголы? – спросил Редер вместо приветствия.

– Я исправляю неточности.

– На фронте убивают людей, а ты воюешь с причастиями.

– Причастия не требуют пополнения.

Редер бросил на стол мокрую папку.

– Вот донесения от полков. Люди просят воды, боеприпасов, отдыха и, если найдётся возможность, разумного объяснения, зачем французам понадобилась эта высота.

– Если бы противник мог объяснять свои намерения заранее, Генеральный штаб давно упразднили бы.

– Возможно. Но тогда нам пришлось бы работать в банке, а там платят лучше.

Фон Бок взял папку.

– Что на передовой?

– То же, что вчера, только грязнее. Французы ударили после полудня. Наши отбили атаку. Потом они отошли. Потом мы решили, что они отошли слишком спокойно, и начали ждать следующей атаки. Теперь все устали ждать.

– Вы были у второго батальона?

– Был.

– Командир?

– Ранен. В плечо. Отказывается ехать в тыл.

– Может командовать?

– Формально – да. Практически он не может поднять руку, чтобы показать направление. Но у него очень выразительный голос.

Фон Бок посмотрел на Редера.

– Назначьте заместителя.

– Уже назначил. Но старый командир требует, чтобы ему оставили право утверждать решения.

– В таком случае объясните ему, что право утверждать решения не входит в перевязочный пакет.

Редер усмехнулся.

– Вот теперь я узнаю старого друга.

Слово «друга» прозвучало между ними непривычно. В Потсдаме они были юнкерами, потом молодыми офицерами, потом людьми, которых служба то сводила, то разводила по разным гарнизонам. Война снова поставила их рядом – только теперь ни один не называл это удачей.

– Ты давно здесь? – спросил Редер.

– С ночи.

– И снова не спал.

– Спал два часа.

– Это уже роскошь. На передовой люди говорят, что штабные офицеры питаются чернилами и никогда не умирают.

– Они ошибаются в обоих пунктах.

– Не разубеждай их. Солдату полезно иметь простые представления о тех, кто посылает его в грязь.

Фон Бок поднял на него глаза.

– Мы не посылаем людей в грязь ради удовольствия.

– Нет. Ради позиции на карте.

– Ради того, чтобы противник не прорвался.

– Я знаю.

Редер произнёс это спокойно. В его голосе не было обвинения – лишь усталость человека, который слишком много раз видел, как правильное решение остаётся правильным, даже когда после него приходится собирать людей по частям.

Снаружи глухо ударила артиллерия. Стёкла дрогнули. С потолка посыпалась известковая пыль.

Фон Бок машинально посмотрел на часы.

– У них по графику?

– У французов? Полагаю, они не сверяются с нашими расписаниями.

– Жаль. Было бы удобнее.

– Федор.

Редер впервые за разговор назвал его по имени.

– Что?

– Ты всё ещё веришь, что в этой войне можно разобраться?

Вопрос прозвучал не как философское любопытство. Он был слишком личным.

Фон Бок закрыл папку.

– Разобраться – не значит сделать её разумной.

– А что значит?

– Понять, где наша задача. Что необходимо удержать. Какими силами. С какими потерями.

– Вот именно, – тихо сказал Редер. – «С какими потерями».

Он подошёл к окну. Во дворе два солдата катили бочку с водой. Один поскользнулся, выругался, и бочка чуть не опрокинулась. Жизнь упрямо состояла из мелочей даже там, где каждый час измеряли сотнями погибших.

– Помнишь костёр в Потсдаме? – спросил Редер.

– Помню.

– Я спросил тебя тогда: что делать, если приказ отдаёт человек, не понимающий ответственности?

– Помню и это.

– Я был слишком молод, чтобы правильно сформулировать вопрос.

Фон Бок молчал.

– Вопрос не в том, понимает ли он, – продолжил Редер. – Вопрос в том, считает ли он чужую жизнь частью расчёта. И если считает – что тогда?

– Тогда он обязан считать точно.

Редер обернулся.

– Ты правда думаешь, что точность делает это лучше?

– Нет. Но неточность делает хуже.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

Потом Редер кивнул – не соглашаясь, а принимая ответ как тот предел, за который Федор сегодня не может выйти.

– У тебя появился талант отвечать так, чтобы спорить было бессмысленно.

– Это профессиональное качество.

– Опасное качество.

В коридоре раздались быстрые шаги. В комнату вошёл связист, бледный от напряжения.

– Господин капитан, телефон от командования корпуса.

Фон Бок взял трубку.

Доклад был коротким: на одном из соседних участков противник прорвал первую линию обороны. Резервный батальон следовало перебросить немедленно. Требовалось подготовить приказ и согласовать артиллерийскую поддержку.

– Где резерв? – спросил фон Бок.

– В деревне Бурлон, господин капитан.

– В каком состоянии?

– После ночного марша. Не полностью укомплектован.

– Это единственный резерв?

– На данный момент – да.

Он положил трубку.

Редер уже понял всё по его лицу.

– Куда?

Фон Бок назвал участок.

– Там же открытая местность, – сказал Редер. – Их положат ещё на подходе.

– Если не перебросить, противник выйдет к дороге.

– А если перебросить, у нас не останется резерва.

– У нас уже нет резерва, Курт. Есть батальон, который ещё не успели потерять.

Редер медленно выдохнул.

– Хорошая формулировка для сводки.

– Не начинай.

– Я и не начинал. Это началось задолго до нас.

Фон Бок быстро составил приказ. Каждое слово он проверял дважды: маршрут, время выступления, связь с артиллерией, ответственный командир, задача. Приказ должен был быть ясным. Он не мог позволить себе неопределённости там, где люди пойдут под огонь.

Когда текст был готов, он протянул его Редеру.

– Передайте лично. И убедитесь, что командир понимает: не атаковать фронтально, пока не будет подавлена пулемётная точка у фермы.

– Я поеду?

– Да.

– А ты?

– Останусь здесь.

Редер посмотрел на него с кривой улыбкой.

– Как всегда: ты – рядом с картой, я – рядом с действительностью.

– Кто-то должен удерживать связь между ними.

– Надеюсь, она ещё существует.

Он взял приказ и вышел.

Фон Бок остался один.

На столе лежала карта. Тонкие траншеи, квадраты, стрелки. Бумага была испачкана грязными пальцами, на краю расплылось кофейное пятно. Он провёл ладонью по обозначению деревни Бурлон.

Через двадцать минут батальон начнёт движение.

Через час кто-то, возможно, доложит: «Передовая линия восстановлена».

Или: «Контратака остановлена огнём противника».

Или: «Связь с батальоном прервана».

Он смотрел на карту до тех пор, пока линии не начали казаться ему не дорогами и траншеями, а трещинами на тонком льду.

Вечером Редер вернулся.

Он вошёл без фуражки, с грязью на лице и рукавах. Несколько секунд стоял у двери, будто не мог вспомнить, зачем пришёл.

– Ну? – спросил фон Бок.

Редер снял перчатки.

– Дорогу удержали.

Фон Бок кивнул.

– Потери?

– Командир батальона убит. Первый взвод почти весь. Артиллерия опоздала на семь минут.

– Почему?

– Провод перебило. Потом наблюдатель не мог подтвердить координаты. Потом… – Редер сел на стул. – Потом всё-таки начали стрелять. Уже по своим и чужим вместе. Не знаю, сколько там осталось французов. Наших осталось меньше, чем было утром.

Фон Бок взял карандаш.

– Нужно подготовить сводку.

Редер поднял на него глаза.

– Конечно. Подготовить сводку.

Он встал, подошёл к окну и долго смотрел во двор. Потом заговорил так тихо, что фон Бок едва расслышал:

– Там был мальчишка. Связной. Лет семнадцать, не больше. Всё пытался найти своего лейтенанта, а лейтенант лежал в воронке. Мальчишка не понимал, что тот мёртв. Звал его по фамилии. Кричал, что приказ доставлен.

Фон Бок положил карандаш.

– Курт…

– Нет, подожди. Я знаю, что ты скажешь. Что это война. Что люди гибнут. Что командир обязан действовать, не позволяя отдельной истории остановить целое соединение. Я всё это знаю.

Он повернулся.

– Но когда-нибудь, Федор, нам придётся ответить себе: сколько таких историй можно назвать «отдельными», прежде чем они станут самой войной?

В комнате было тихо.

Фон Бок не ответил.

На столе лежал чистый бланк оперативной сводки. В верхнем углу стояли дата, время и номер части. Ниже оставалось пустое место – ровно столько, сколько требовалось, чтобы уместить итог дня.

Он взял перо.

И написал:

«Контратакой резервного батальона положение на участке восстановлено. Дорога удержана».

Это было правдой.

Но не всей.

Глава 6. Поражение, которого нельзя назвать

Германия. Ноябрь 1918 – март 1919 года

Осенью 1918 года фронт начал двигаться назад.

Не сразу, не с той ясностью, с какой на картах рисуют отступление после того, как оно уже состоялось. Сначала исчезла уверенность из голосов. Потом приказы стали чаще содержать слова «сократить», «вывести», «перегруппировать». Затем на дорогах появились колонны, которые шли не на запад, а на восток.

Федор фон Бок замечал это по мелочам.

По тому, как офицеры перестали спорить о сроках наступления и начали спорить о том, какую линию можно удержать до зимы. По тому, как интенданты теперь говорили не о запасах для будущей операции, а о том, как вывезти хотя бы часть складов. По тому, как солдаты, прежде старавшиеся выглядеть бодро перед штабными автомобилями, смотрели в сторону, когда мимо проезжали офицеры.

Люди не любили тех, кто всё ещё носил чистые воротники.

В начале ноября фон Бок находился в штабе армейского корпуса неподалёку от Мезьера. Он давно не видел Берлина и почти не писал домой. Письма от матери приходили нерегулярно: она сообщала о нехватке угля, об очередях за хлебом, о гриппе, который забирал людей быстрее, чем успевали звонить церковные колокола.

Отец писал реже.

Однажды пришла открытка, всего с двумя фразами:

«Держись достойно. Время требует ясной головы».

Федор перечитал её и положил в бумажник.

Ясная голова требовалась теперь всем, но именно её становилось всё труднее сохранить. В штабе ходили слухи: кайзер уехал, в Берлине беспорядки, матросы взбунтовались, социалисты требуют власти, на улицах появляются красные флаги. Слухи менялись по нескольку раз за день, обрастали подробностями, становились то утешительными, то чудовищными.

Никто не знал, чему верить.

Только фронт знал своё.

Утром 9 ноября связист принёс телеграмму. Начальник штаба прочитал её, снял пенсне и долго протирал стёкла платком.

– Что там? – спросил кто-то.

Он не ответил сразу.

– Кайзер отрёкся.

В комнате стало тихо.

Старый генерал у камина медленно опустился в кресло. Капитан из оперативного отдела выругался шёпотом. Молодой адъютант побледнел так, словно телеграмма сообщала о смерти близкого родственника.

Фон Бок стоял у окна.

За стеклом шёл дождь. На дороге двигалась батарея: орудия, лошади, люди в мокрых шинелях. Ничто не изменилось. И всё изменилось.

– Это невозможно, – сказал адъютант.

– Теперь уже возможно, – ответил начальник штаба.

– А присяга?

Никто не ответил.

Вопрос повис в воздухе, как дым. Присяга была не абстракцией. Для офицера она означала порядок мира: государь, армия, долг, честь. Конечно, существовали законы, министер-

ства, рейхстаг, партийные дрязги, которые приличные люди предпочитали не обсуждать за обедом. Но вершина оставалась неизменной. Теперь вершины не было.

Фон Бок вдруг вспомнил отцовский компас.

Стрелка дрогнула и остановилась.

На север.

А если севера больше нет?

Через два дня было подписано перемирие.

В одиннадцать часов утра орудия замолчали.

Сначала это молчание показалось ошибкой. Офицеры прислушивались, ожидая нового залпа. Солдаты выглядывали из укрытий. Где-то на передовой кто-то закричал, потом засмеялся. С противоположной стороны траншей донеслись отдельные голоса – французские, неразличимые.

Война, продолжавшаяся больше четырёх лет, остановилась не с громом, а с тишиной.

Фон Бок вышел во двор штаба. Небо было низким, белёсым. На ветке у стены сидела ворона и чистила клюв о мокрую кору. У ворот стояли несколько солдат. Они смотрели друг на друга, не зная, что теперь положено делать.

Один из них снял каску.

– Всё? – спросил он.

Никто не ответил.

Фон Бок хотел сказать что-нибудь официальное: о сохранении дисциплины, о порядке отхода, о долге перед товарищами. Но слова не пришли. Они вдруг показались ему не ложными – хуже. Слишком поздними.

В тот же вечер он увидел Курта фон Редера.

Редер приехал из соседнего сектора на грузовике, который дымил так сильно, что казался движущимся костром. Он был худ, небрит, с перевязанной рукой. На шинели не хватало одной пуговицы.

– Ты жив, – сказал фон Бок.

– Пока это считается достижением.

Они пожали друг другу руки.

Некоторое время стояли молча. Между ними осталось всё, о чём за четыре года не удалось поговорить: убитые, приказы, ошибки, письма, которые не были написаны, и молодость, ушедшая без церемонии.

– Что теперь? – спросил Редер.

– Отход. Демобилизация. Возвращение в Германию.

– Это я понял. А потом?

Фон Бок посмотрел на него.

– Потом армия будет нужна ещё больше, чем прежде.

Редер медленно усмехнулся.

– Вот ты и не изменился.

– А ты?

– Я изменился настолько, что не знаю, что с этим делать.

Они отправились в Германию в конце ноября. Поезда шли медленно, часто останавливались, пропускали санитарные составы, эшелоны с беженцами, вагоны с углём, которых всё равно не хватало. На станциях солдат встречали не цветами. Иногда – молчанием. Иногда – редкими криками. Иногда женщины протягивали хлеб, который сами едва могли себе позволить.

В одном городке на стене вокзала висела листовка:

«Солдаты! Не позволяйте офицерам вновь вести вас на бойню!»

Кто-то сорвал её. Через час появилась другая.

В Берлине было холодно.

Сырым декабрьским утром фон Бок вышел из вагона на переполненную платформу и почувствовал запах, которого не знал раньше: дым от плохого угля, мокрая шерсть, дешёвый суп, человеческая толпа, простоявшая ночь в ожидании. Город был тем же – мосты, фасады, трамваи, купола, – но словно потерял собственную осанку.

На улицах висели красные полотнища.

Федор смотрел на них с почти физическим отвращением. Цвет казался ему вызывающим, чужим, слишком прямым. Не потому, что он успел разобраться в программах социалистов или в различиях между партиями. Политика по-прежнему представлялась ему областью, где люди много говорят, чтобы скрыть отсутствие дисциплины. Но красный флаг над зданием, где ещё недавно развевался чёрно-бело-красный, был не политическим аргументом. Он был знаком того, что привычный порядок унижен.

Дом родителей стоял на прежнем месте. Мать открыла дверь почти сразу, словно ждала у порога. Она стала меньше ростом – или ему так показалось. Седых волос у неё прибавилось. Она не сказала ни слова, просто обняла его.

Федор застыл на секунду, затем обнял её в ответ.

Отец вышел из кабинета.

Он был в старом мундире, хотя уже не служил. Мундир сидел на нём свободнее, чем прежде. Мориц фон Бок посмотрел на сына долго, внимательно, будто оценивал не его внешний вид, а то, что нельзя было увидеть.

– Ты вернулся, – сказал он.

– Да.

– Хорошо.

Федор ждал чего-то ещё: вопроса о фронте, о наградах, о службе, о погибших друзьях. Но отец лишь положил руку ему на плечо.

В этот миг Федор понял, что дома его ждали не как офицера.

Как сына.

Это смутило его сильнее, чем он был готов признать.

За ужином мать рассказывала о карточках, холоде, больных соседях, о знакомой семье, чей старший сын не вернулся с войны. Отец слушал, иногда кивал. Он почти не говорил о политике, хотя газеты лежали на столе стопкой.

Наконец Федор сам спросил:

– Что происходит в армии?

Отец положил вилку.

– Армия пытается остаться армией.

– А правительство?

– Правительство пытается стать правительством.

– И кто победит?

Мориц фон Бок посмотрел на сына устало.

– В таких вопросах слово «победа» обычно означает, что проиграли все.

Мать тихо сказала:

– Мориц…

– Что? Он был на фронте. Он имеет право услышать правду хотя бы дома.

Федор отодвинул тарелку.

– Германия не проиграла на поле боя.

В комнате стало тихо.

Отец не рассердился. Это было хуже.

– Германия проиграла войну, – сказал он. – Поле боя – только одно из мест, где это случилось.

– Но армия держалась.

– Армия держалась, пока могла. И погибала, пока ей велели. Не превращай это в легенду, Федор. Легенды слишком часто нужны тем, кто не хочет разбираться в причинах.

Федор почувствовал, как в нём поднимается знакомая, почти спасительная жёсткость.

– Значит, вы считаете, что всё было напрасно?

Отец посмотрел в окно. За стеклом вечер опускался на улицу, где уже зажглись редкие фонари.

– Я считаю, что никто не имеет права назвать напрасной жизнь человека, которого любили. Но государство обязано объяснить, ради чего оно потребовало эту жизнь. И если не может – вина остаётся на государстве.

Федор не нашёл ответа.

На следующий день он отправился в военное ведомство. На улицах стояли очереди, трамваи шли медленно, то и дело останавливаясь. Несколько раз он видел вооружённых солдат без привычной формы, с красными повязками на рукавах. Они выглядели неловко с винтовками, как люди, которые получили власть раньше, чем научились ею пользоваться.

У входа в одно из зданий толпились офицеры. Кто-то ругался, кто-то пытался получить сведения о назначениях, кто-то говорил о добровольческих формированиях. В воздухе висело раздражение, похожее на предгрозовую духоту.

Федор встретил Редера в коридоре.

Тот был в гражданском пальто и шляпе, отчего казался почти чужим.

– Ты уже переоделся? – спросил фон Бок.

– Иногда полезно узнать, можешь ли ты существовать без пуговиц.

– И как?

– Пока неясно.

Они отошли к окну.

– Ты останешься? – спросил Федор.

Редер пожал плечами.

– В армии?

– Да.

– Не знаю. А ты?

– Конечно.

– Даже теперь?

– Особенно теперь.

Редер внимательно посмотрел на него.

– Ты думаешь, армия сможет вернуть то, что было?

– Нет. Но она может не дать стране окончательно развалиться.

– А если страна не хочет, чтобы её спасали прежним способом?

– Тогда она не понимает, что с ней происходит.

Редер усмехнулся – без злости, почти печально.

– Ты всё ещё уверен, что компас у тебя в руках.

Федор нахмурился.

– Что это должно значить?

– Ничего. Только то, что направление иногда выбирают не те, кто умеет читать карты.

В коридоре раздался шум. Молодой офицер, бледный и взвинченный, выкрикивал что-то о предательстве, революционерах и необходимости «навести порядок». Ему поддакивали. Кто-то уже называл фамилии виновных. Политики. Социалисты. Евреи. Газеты. Тыл.

Федор слушал, и ему было неприятно.

Не потому, что он не разделял гнева. Гнев был понятен. Но в этих голосах не было точности. Они хотели найти одну причину для слишком большой катастрофы, одного виновника для миллионов решений, ошибок, смертей и поражений.

Это было удобно.

А значит – опасно.

Он отвернулся.

За окном Берлин жил своей новой, тревожной жизнью. По мостовой ехал грузовик с солдатами в красных повязках. За ним шла женщина с корзиной. Двое детей играли у стены, бросая друг в друга комья грязного снега.

Германия не исчезла.

Но она стала страной, которую Федор фон Бок ещё не умел читать.

Часть II. Государство в мундире
Глава 7. Сто тысяч

Берлин – Восточная Пруссия. 1921 год

Армия уменьшилась до размера, который для Федора фон Бока казался почти издевательством.

Сто тысяч человек.

Не армия – оговорка, внесённая победителями в договор. Не сила, способная защитить страну, а тщательно отмеренная порция порядка, разрешённая Германии под надзором тех, кто ещё вчера был её врагом. Без Генерального штаба. Без тяжёлой артиллерии. Без танков. Без авиации. С ограничениями, перечисленными так подробно, словно государство можно было обезвредить, отняв у него металл, лошадей и право планировать.

Но рейхсвер выжил.

Он сжался, сделался тише, осторожнее, беднее. Парадная уверенность кайзеровской армии уступила место сухой сдержанности. Офицеры больше не говорили громко о славе; теперь они говорили о подготовке, дисциплине, кадрах и необходимости сохранить лучшее. Под «лучшим» каждый понимал своё.

Фон Бок понимал прежде всего профессионализм.

Он служил в Берлине, затем получил назначение в Восточную Пруссию. Переезд произошёл в конце зимы. Поезда по-прежнему ходили нерегулярно, станции были переполнены, а уголь в вагонах экономили так, что пассажиры сидели в пальто и перчатках. За окном медленно проплывала страна, измученная не только войной, но и миром, который оказался почти таким же беспощадным.

В городках виднелись очереди у лавок. На стенах – предвыборные плакаты, наклеенные один поверх другого. В одних обещали хлеб и справедливость, в других – порядок и возрождение, в третьих призывали не верить ни первым, ни вторым. Плакаты быстро покрывались грязью, срывались ветром, заклеивались новыми обещаниями.

Федор смотрел на них без интереса.

Он всё больше убеждался: гражданская жизнь требует от человека слишком много терпения к словам. В армии приказ был плохим или хорошим, выполнимым или невыполнимым. В политике один и тот же человек мог произнести пять речей и не нести ответственности ни за одну.

В гарнизоне его встретил полковник Отто фон Берг – командир полка, к которому фон Бок был прикомандирован на штабную должность. Берг был невысок, широкоплеч, с тяжёлой головой и привычкой внимательно разглядывать собеседника перед тем, как отвечать. Он не любил молодых карьеристов, болтунов и людей, которые называли Версальский договор «временным неудобством», не предлагая ничего, кроме громких интонаций.

– Фон Бок, – сказал он, листая личное дело. – Фронтовой опыт, штабная служба, хорошие отзывы. Потсдамская школа?

– Да, господин полковник.

– Это я вижу. Потсдамцы всегда пишут так, будто доклад будет читать сам Фридрих Великий.

Федор промолчал.

Берг поднял взгляд.

– Вы не обязаны защищаться. Это была не критика.

– Я не защищаюсь, господин полковник.

– Вот это уже похоже на защиту.

Полковник закрыл папку.

– У нас мало людей, мало средств и слишком много обязанностей. В мирное время армия обычно учится воевать. Мы же должны сначала научиться существовать так, чтобы нас не распустили окончательно. Понимаете?

– Да.

– Нет, пока не понимаете. Но поймёте.

Он встал и подошёл к окну.

На плацу солдаты отрабатывали повороты. Их было немного – непривычно немного. В старой армии один батальон мог выглядеть как целый мир: ряды лиц, штыков, ремней, лошадей, обозов. Теперь каждая фигура на плацу была видна отдельно. Каждый человек словно стоил дороже, потому что заменить его было некем.

– Мы не можем позволить себе терять людей, – сказал Берг. – Ни на войне, которой нам пока не разрешено вести, ни в мирной жизни, где каждый солдат становится предметом политических споров. Поэтому учите их хорошо. Не красиво. Хорошо.

Федор кивнул.

Первые месяцы он занимался тем, что умел лучше всего: приводил в порядок бумаги, программы обучения, графики манёвров, отчёты о состоянии частей. Вновь и вновь проверял, где не хватает винтовок, лошадей, сапог, инструкторов. Писал замечания командирам рот. Исправлял формулировки, которые считал расплывчатыми.

Работа успокаивала.

Она была похожа на возвращение в знакомый дом после долгой дороги. Здесь существовали ошибки, которые можно исправить. Недочёты, которые можно устранить. Люди, которых можно обучить. Если Германия и стала непонятной, то хотя бы этот маленький участок мира подчинялся правилам.

Однажды после занятий к нему подошёл ефрейтор Шульце – высокий парень с крестьянским лицом и удивительно чистым, почти детским взглядом.

– Разрешите обратиться, господин капитан?

– Говорите.

– У меня брат в Руре. Пишет, там опять забастовка. Говорит, работы нет, а цены растут.

– И что вы хотите от меня?

Шульце замялся.

– Ничего, господин капитан. Просто… если его призовут в полицию или ещё куда, он спрашивает, как лучше.

Фон Бок посмотрел на него.

Вопрос был простым, почти нелепым. И всё же в нём слышалось то, чего он не любил: вторжение мира за пределами казарм. Брат, работа, цены, забастовка – всё это не имело отношения к строевой подготовке. Но именно из этого, вероятно, и состояла страна, которой рейхсвер должен был служить.

– Посоветуйте брату не принимать решений по слухам, – сказал он. – И не ввязываться в дела, которых он не понимает.

Шульце вытянулся.

– Так точно.

Когда ефрейтор ушёл, фон Бок поймал себя на мысли, что дал ровно тот совет, который сам не смог бы исполнить. Он тоже не понимал происходящего – но оставаться в стороне уже не мог.

Весной в гарнизон приехал инспектор из Берлина. Проверка длилась два дня. Осматривали склады, конюшни, оружейные комнаты, документы. Инспектор был гражданским чинов-

ником, сухим человеком в очках, который задавал вопросы с видом школьного учителя, уверенного, что перед ним особенно нерадивый класс.

– Почему в ведомости указано двенадцать учебных лошадей, а в наличии одиннадцать? – спросил он.

– Одна пала от колик, – ответил Берг.

– Где подтверждение ветеринарной службы?

– В архиве.

– Почему не приложено к ведомости?

– Потому что лошадь умерла, а не ушла в отпуск.

Инспектор поднял глаза.

Фон Бок, стоявший рядом, едва заметно кашлянул.

Полковник посмотрел на него.

– Хорошо, – сказал Берг. – Копию приложим.

После проверки инспектор уехал, оставив список замечаний. Полковник заперся у себя на час, а потом вызвал фон Бока.

– Вы хотели что-то сказать, когда я говорил с этим человеком?

– Я счёл, что лучше не вмешиваться.

– Это не ответ.

Фон Бок выдержал паузу.

– Я счёл, что замечание о лошади могло быть истолковано как неуважение к представителю министерства.

– Оно и было неуважением, – буркнул Берг. – Но справедливым.

– Справедливость не всегда полезна в отношениях с ведомством.

Полковник усмехнулся.

– Вы быстро учитесь. Это плохо.

– Господин полковник?

– В армии мы слишком часто называем приспособление мудростью. А потом удивляемся, когда замечаем, что приспособились к вещам, к которым нельзя было привыкать.

Фон Бок не знал, что ответить.

Берг достал из ящика лист бумаги.

– Вы знаете, почему я оставил вас после проверки?

– Нет.

– Потому что хочу направить вас на учения в качестве представителя штаба. Неофициально. Несколько дней. Нужно посмотреть, как работают соседние части.

– Это входит в мои обязанности?

– Формально – нет.

– Тогда почему я?

– Потому что вы замечаете не только то, что написано в приказе.

Фон Бок принял лист.

Вечером он долго ходил по гарнизонному саду. Снег уже сошёл, но земля ещё была чёрной и влажной. Вдалеке играла гарнизонная музыка – не марш, а что-то лёгкое, почти танцевальное. Из офицерского собрания доносились голоса и смех.

У ворот он встретил Редера.

Фон Бок не видел его больше года. Тот шёл в гражданском пальто, без шляпы, с папкой под мышкой. Лицо его стало спокойнее – или просто научилось скрывать прежнюю тревогу.

– Курт?

Редер остановился и улыбнулся.

– Федор. Я боялся, что ты не узнаешь меня без мундира.

– Я узнал бы тебя по манере появляться без предупреждения.

– А я тебя – по выражению лица. Оно говорит: «Это не предусмотрено расписанием».

Они пожали руки.

– Ты здесь по службе? – спросил фон Бок.

– Почти. Я работаю в Берлине. В комиссии по делам ветеранов. Бумаги, пособия, жалобы, вдовы, чиновники. Всё то, что остаётся после войны, когда генералы перестают двигать стрелки.

Фон Бок помрачнел.

– Я не переставал заниматься последствиями войны.

– Я знаю. Поэтому и сказал.

Они пошли вдоль аллеи.

– Ты останешься в армии? – спросил Редер.

– Разумеется.

– Даже при нынешних условиях?

– Тем более при нынешних условиях.

Редер кивнул.

– Я так и думал.

– А ты ушёл?

– Я не уверен, что ушёл. Скорее меня вынесло наружу. Иногда это случается, если долго стоять на палубе корабля, который тонет.

– Германия не тонет.

– Нет? Тогда почему все вокруг говорят так, будто спасают мебель?

Фон Бок остановился.

– Ты слишком легко говоришь о стране.

Редер тоже остановился. Улыбка исчезла.

– Нет, Федор. Я слишком тяжело думаю о людях, которые в ней живут. Это разные вещи.

Мимо прошли два молодых офицера. Они отдали честь, и фон Бок ответил машинально. Когда они скрылись, Редер продолжил:

– В Берлине я вижу бывших солдат. Без работы. Без ног. Без сна. Вижу вдов, которым объясняют, что документ оформлен неправильно, поэтому пособие придётся ждать. Вижу людей, которые называют друг друга предателями, потому что так проще, чем признать: война сломала больше, чем один режим или одна партия.

– Ты хочешь сказать, что армии не следует существовать?

– Я хочу сказать, что армия не должна быть единственным ответом на все вопросы.

Фон Бок холодно произнёс:

– Она и не является.

– Правда? А когда ты говоришь о порядке, о спасении страны, о восстановлении достоинства – кого ты видишь первым?

Ответ пришёл слишком быстро:

– Солдата.

Редер кивнул.

– Вот именно.

Они расстались вежливо. Ни один не произнёс ничего резкого. Редер сказал, что уезжает утром. Фон Бок пожелал ему благополучной дороги. Они пожали руки, как два человека, которые не хотят ссориться, потому что слишком хорошо помнят тех, с кем уже не смогут помириться никогда.

Ночью фон Бок не спал.

Он думал о словах Редера и раздражался. Не потому, что они были несправедливы, а потому, что в них содержалось требование, которому он не умел придать форму. Если не армия

– то что? Речи? Парламентские коалиции? Уличные отряды с красными повязками или такие же отряды с другими знаками? Газеты, ежедневно меняющие убеждения?

Нет. Страна не могла держаться на этом.

Утром он пришёл на плац раньше остальных.

Солдаты ещё только собирались. Один чистил ремень, другой подтягивал портянки, третий зевал, прикрывая рот ладонью. Обычные люди. Не символы Германии, не спасители государства. Молодые мужчины, которым приказали встать в строй.

Когда прозвучала команда, они выпрямились.

Фон Бок смотрел на них и ощущал привычное успокоение. Не восторг. Не гордость. Нечто более глубокое и опасное: уверенность, что порядок сам по себе уже является добром.

Он ещё не понимал, какую цену иногда платят за эту уверенность.

В 1923 году порядок стал стоить столько, что его нельзя было купить.

Деньги обесценивались быстрее, чем успевали печатать новые. Жалованье выдавали пачками, которые солдаты несли домой в портфелях, корзинах, завёрнутыми в газету. Утром на эти деньги ещё можно было купить хлеб; к вечеру – разве что спичек. В гарнизонной столовой меню менялось не по сезону, а по курсу марки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.